

Операции Красной Армии против Квантунской армии в 1945 г. (по материалам газеты «Амурская правда»)

© 2015

И. Чернышев

Статья отражает освещение газетой «Амурская правда» операций Красной Армии по освобождению Северо-Восточного Китая от японских милитаристов. Ее основу составляют материалы газеты за август-октябрь 1945 г., написанные корреспондентами ТАСС, местными журналистами и непосредственными участниками операции.

Ключевые слова: «Амурская правда», Красная Армия, Квантунская армия, освобождение, Маньчжурия.

Если для европейской части СССР боевые действия Второй мировой войны завершились 9 мая 1945 г., то для приграничных территорий советского Дальнего Востока период с мая по август 1945 г. стал периодом подготовки военной операции против японской Квантунской армии в Северном Китае — в Маньчжурии, Корее, на Северном Сахалине и на Курильских островах.

В час ночи 9 августа начали наступление войска Забайкальского и I Дальневосточного фронтов. В это же время в составе II Дальневосточного фронта с плацдармов в Еврейской АО пошли в наступление на Харбин 15-я армия, а на Жаохе — Баоцин 5-й стрелковый корпус¹. Дислоцированные в Приамурье войска 2-й Краснознаменной армии до 11 августа имели задачу оборонять рубеж по государственной границе от Благовещенска до Пояркова². 9 и 10 августа десантные группы Краснознаменной амурской военной флотилии, составленные из моряков и пограничников, уничтожили большинство японских полицейских пограничных постов и смертников в верхнем и среднем течении Амура³. В это время «армия вела боевые действия за овладение многочисленными островами и плацдармом на противоположном берегу Амура»⁴. Ранним утром 11 августа после масштабной артиллерийской подготовки началась переправа через Амур войск 2-й Краснознаменной армии из районов Благовещенска и Константиновки в направлениях Сахалин — Айгунь — Сунью — Бэйань — Цицикар — Мэргэнь.

Амурская пресса стала прифронтовой. В ней ежедневно печатались оперативные сводки Совинформбюро, правительственные сообщения, приказы Верховного главнокомандующего Красной Армии. Каждый номер содержал статьи, заметки, очерки, донесшие до наших дней живые подробности тех боев, наполняющие жизненными деталями то, что мы называем теперь «освобождением китайского народа от японских милитаристов». В качестве авторов выступали журналисты «Амурской правды», спецкоры ТАСС и непосредственные участники военных действий. В материалах прослеживается ход операции на территории Китая, Кореи, Южного Сахалина, Курильских островов. В публикациях отражены ожесточенный характер боев, героизм красноармейцев, сопротивление японцев и их капитуляция, торжества в Москве, Китае и Благовещенске.

Чернышев Иван Евгеньевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики Амурского государственного университета. E-mail: chirni@mail.ru.

12 августа «Амурская правда» опубликовала статью Филарета Плоскова «В прифронтовом городе». «Мы живем на границе... Только река Амур, только каких-нибудь семьсот метров пространства отделяют нас от другого, чужого мира, где хозяйничали японские милитаристы. Всего семьсот метров! И мы постоянно помнили и знали, что японцы денно и нощно готовились к войне за завоевание «азиатского пространства», за завоевание всего мира». Очевидно, корреспондент был прав. Освобождавший город Жаохэ старший лейтенант Лисенков в своей заметке от 7 ноября писал, что в японских казармах среди разбросанных книг нашел «учебник русского языка с японскими пояснениями. Многие места в этой книге подчеркнуты, заложены бумажками. Японских солдат учили русскому языку. Из них готовили завоевателей Дальнего Востока и Сибири»⁵. О милитаристских стремлениях японцев свидетельствует и сам Плосков в путевой записке «Дорога в Мегрэн» от 23 сентября. «Мимо то и дело виднеются различные военные укрепления — свидетельства бешеной подготовки к нападению на нашу страну. Мы едем по Айгуню мимо вокзала. Всякий, даже сугубо гражданский человек, скажет, что строители этого вокзала меньше всего заботились об удобстве пассажиров, а больше думали о том, как бы сделать это здание сосредоточием мощного огня. Айгуньский вокзал — это огромный дот, мощный бастион. В нем есть окна, но когда присмотришься поближе, то становится понятно, что они предназначены не для того, чтобы пропускать свет, а для стрельбы из артиллерийских орудий. Окна — амбразуры!»

Филарет Плосков так описывает Благовещенск и благовещенцев в начале военных действий. «Эта война началась утром 9 августа. Несмотря на то, что наш неприятель был буквально рядом, Благовещенск оставался спокойным. Люди самозабвенно трудились на предприятиях и в учреждениях, заботились о противовоздушной обороне, об отражении возможного нападения врага. Никто не дрогнул, когда на рассвете 10 августа загремели пушки. Матери и дети спокойно прошли в бомбоубежища, мужчины и женщины были на своих местах. Одна женщина рассказывала мне: «Все вели себя хорошо. Наше бомбоубежище в огороде расположено, так, знаете, в огороде ни одного кустика картошки, ни одного растения не попортили, а ведь приходили почти со всего квартала. Так спокойно все шло, осторожно, по тропкам, по дорожкам... Старики и девушки, матери и подростки дежурили на крышах на случай бомбардировки, они бесстрашно несли свою вахту...».

Информация Плоскова об ответных действиях японцев свидетельствует, что они «...не выдержали наших ударов. Напротив Благовещенска на южном берегу Амура в городе Сахалин (ныне Хэйхэ) они начали в бессильной злобе жечь и разрушать предприятия. Всю ночь на 10 августа над Сахалином стояло зарево пожаров». Об этом же сообщают форсировавшие Амур майор А. Терехин и старший лейтенант В. Байдерин: «Японские купцы, содержатели публичных домов и прочие мастера жульничества и закабаления трудящихся перед занятием этого города Красной Армией подожгли магазины, некоторые дома. Все, что могли, они вывезли, что не могли вывезти — разбили и уничтожили. Сейчас советская военная комендатура предлагает все усилия к тому, чтобы жизнь города вошла в нормальную колею, чтобы предприятия и учреждения работали нормально, чтобы были изжиты случаи грабежа и краж»⁶.

Особую историческую ценность сегодня для нас представляют свежие впечатления советских людей, описывающих представшую перед ними жизнь простых китайцев. Авторы поразила жуткая нищета китайского населения, грязь, антисанитария на улицах и в домах, бесчеловечное отношение к японцам местному населению.

По свидетельству специального корреспондента «Амурской правды» З. Петрова все китайские деревни, стоящие вдоль Амура, были окопаны глубокой траншеей. «И взрослых, и детей, осмелившихся перейти заветную черту, японцы расстреливали из винтовок и автоматов. Из деревни был только один выход, около которого стоял самурайский пост. Там велась регистрация и обыск всех, кто ехал или шел в поле, пахать, сеять или собирать урожай. Отлучаться подальше в сопки за дикоросами или на охоту, переезжать из одной деревни в другую китайцам не разрешалось»⁷.

Приведем еще несколько выдержек.

«Мы беседовали со старым китайцем Янь Ю-чином. В его семье трое детей, старшему из которых 17 лет. Семья обрабатывает 2,5 шана (примерно 1,25 га). Землю она арендовала у японской управы... Года три назад Янь Ю-чин захотел выпутаться из долгов и приобрести хотя бы маленький клочок земли. И он продал двух своих дочерей. Одну увезли в Японию на ткацкую фабрику. Другая угодила в сахалинский дом терпимости, хозяином которого был японец. Но китаец не выпутался из долгов, не купил земли»⁸. В 1944 году японцы отобрали у местного населения весь урожай. На каждую семью оставили всего по 35 фунтов кукурузы на месяц, а риса вовсе не полагалось. Японцы не считали нас людьми. В наших районах японцы ввели гужевую повинность. Каждый китаец обязан был работать на строительстве дорог или военных укреплений. Тот, кто не мог работать по состоянию здоровья, обязан был уплатить налог в размере годового дохода крестьянской семьи. На некоторых военных объектах все рабочие по окончании работ расстреливались»⁹.

Свидетельства об уничтожении японцами китайских рабочих имеются и в других газетных материалах того периода. Филарет Плосков в одной из путевых записок «Из жизни китайца» от 23 сентября пишет о расстрелах после строительства Шаньго-отуньского военного городка в 40 км от Сахалина. Кого не казнили, перенесли на другие объекты в Айгуне и в десятках других мест, но, со слов китайцев, ««особо опасных»» рабов, знающих расположение укреплений, японцы расстреливали, чтобы избавиться от лишних свидетелей. Вернуться удалось только единицам, счастливым, случайно избежавшим смерти».

Имели место в амурской прессе и повествования о фактах, мягко говоря, вызывающих сомнения. Так Н. Буртасов в своей заметке «Из Сахалина» рассказывает о встрече с дочерью русских эмигрантов Юлией, родившейся в этом городе. Автор утверждает, что девушка, закончившая Харбинскую гимназию, ничего не знала о Горьком и Маяковском, а М.Ю. Лермонтова считала плохим писателем (только писателем, вовсе не поэтом). Это очевидный пропагандистский перегиб. Смеем утверждать, что, если Юлия действительно закончила харбинскую гимназию, такого не может быть. Я знаком со многими русскими харбинцами-эмигрантами. Все эти глубоко и разносторонне образованные люди основной багаж знаний вынесли из русских харбинских образовательных учреждений. Даже в период японской оккупации «идеология Ван-Дао, проповедовавшая «мирное сотрудничество всех наций и народов» под эгидой Японии, способствовала достаточно лояльному отношению японских властей к деятельности русской школы, делавшей все возможное для сохранения и приумножения русских духовных традиций и культуры дореволюционной России»¹⁰. Утверждение же Н. Буртасова о том, что «японцы не только скрывали от местных жителей все о жизни Советского Союза, но и вели бешеную пропаганду против нас», что эмигрантка Юлия называла Ленинград Петроградом и была уверена, что с набережной Невы несли памятник Петру Первому, вполне могло соответствовать действительности. Русские люди в Маньчжурии хоть и не повергались таким унижениям, как китайцы, однако жили тоже далеко не просто. Но об этом в амурской прессе того времени ничего не писалось. Упоминается вскользь только о помощи русских эмигрантов при овладении Харбином. Так что юная эмигрантка Юлия из Сахалина («одета она, как и ее подруги, бедно: темно-коричневое ситцевое платье перепоясано ремешком, на ногах — туфли на деревянной подошве») в амурской прессе августа 1945 г. осталась единственной в своем роде.

Местное население радостно встречало освободителей. Об этом рассказывается почти в каждой публикации. «Впервые мы подъехали к городу Сяосуньфэнхэ, когда передовые части н-ского соединения только что выбили отсюда японцев, — пишет спецкор ТАСС П. Макрушенко. — С противоположной стороны города еще доносилась артиллерийская и пулеметная стрельба, треск автоматов. Но несмотря на продолжающуюся стрельбу, навстречу входившим в город воинам Красной Армии хлынула толпа китайцев — мужчин и женщин. Их перегоняли ватаги полураздетых ребятишек. У китайцев прикреплены к одежде красные ленточки, на рукавах — повязки, многие держали в руках кра-

сные флажки. Женщины подходили к нашим солдатам, предлагали холодную воду. Это, пожалуй, единственное угощение, которое могла предложить своим освободителям китайская беднота, ограбленная до нитки японскими оккупантами»¹¹. «Мы были свидетелями волнующей картины, — рассказывают капитаны Красной Армии В. Шашкин и В. Топильский. — Навстречу нашим танкистам вышла пестрая толпа китайцев. Мужчины несли дымящиеся трубки с мундштуками, юноши — тарелки с угощениями. Женщины высоко поднимали детей. Когда толпа приблизилась, женщины разостлали принесенный с собою ковер, мужчины поставили угощение и, обнажив голову, приглашали к коврику воинов»¹². В Чанчуне «несмотря на проливной дождь, тротуары были заполнены местными жителями, восторженно приветствовавшими победителей»¹³. Корейцы тоже приветствовали советских моряков. Освобождавший корейский город-порт Расин И. Четверяков писал: «Местное население тепло встречает советских воинов. К морякам приходят делегации местных жителей, приносят подарки, предлагают свои услуги»¹⁴.

В настоящее время китайское телевидение демонстрирует многочисленные сериалы об организованной героической борьбе китайского народа против японских захватчиков. Быть может, в Центральном и Южном Китае что-то подобное действительно имело место. Очевидно, китайцы пытались сопротивляться и в приграничных с СССР районах. Об этом, в частности, имеется свидетельство в статье Филарета Плоскова «Конец самурая» от 7 октября 1945 г. При осмотре японской школы в Сахалыне внимание журналиста привлекла одна из фотографий японского полицейского. «На ней были видны отрубленные головы шести китайцев, надетые на гвозди и выставленные напоказ в уездном городе Тэли. Под отрубленными головами на большой фанерной доске — объявление о том, что шестеро китайцев, назвавшись лесорубами и воспользовавшись небдительностью полицейских, захватили на полицейском посту все винтовки и патроны, ушли в сопки, и что их в районе Сулунь поймал японский полицейский караульный отряд. «Руководителю Ша Вэньдэ и остальным пяти были отрублены головы, о чем и доводится до всеобщего сведения»»¹⁵. Фото датировано 1940 г. Надо полагать, подобная самоотверженность китайских патриотов носила не единичный характер, но, исходя из анализа советских публикаций 1945 г., в Маньчжурии Красная Армия со стороны китайцев широкой военной поддержки не получила. Они лишь помогали выявлять и ловить японских диверсантов и бежавших пленных.

В газетных материалах, повествующих о непосредственных боевых действиях, отразились, с одной стороны, наличие глубоко эшелонированной, хорошо укрепленной обороны противника, его самурайский милитаристский боевой дух, а с другой, решимость, отвага, мужество и огромный боевой опыт Красной Армии. Наиболее эффективно воевали соединения, личный состав которых в основном состоял из подразделений, переброшенных с фронтов Великой Отечественной. Их главной целью было взламывание многокилометровой многополосной сплошной железобетонной фортификации врага.

Несмотря на сложные погодные условия, связанные с проливными дождями на Дальнем Востоке, пустыню Гоби и горные хребты Большого Хингана, преграждающие путь нашим войскам в Забайкалье и Монголии, операция начала развиваться успешно с самого начала. Оперативные сводки Совинформбюро говорили о повсеместном наступлении Красной Армии, несмотря на то, что в приграничье на укрепленных рубежах японцы оказывали отчаянное сопротивление. Здесь уместно будет привести статью И. Грибова «Прорыв железобетонного пояса», опубликованную в «Амурской правде» 25 августа 1945 г. «Характерен в этом отношении опорный пункт, созданный японцами на двугорбой горе Верблюд. На этой высоте, почти со всех сторон прикрытой болотами, обвитой тремя реками, японцы построили железный бастион. Они опоясали гору глубокими противотанковыми рвами, окружили ее шестью рядами колючей проволоки, в толще гранита оборудовали долговременные огневые точки. Огромные доты были врезаны в скалы и с флангов защищены 15-метровой толщей гранита. Передние железобетонные стены тяжелых дотов достигают здесь полутораметровой толщины. Амбразуры закрываются бронированными щитами. Общая площадь сооружений только на этой высоте со-

ставляет более 600 квадратных метров. Все огневые точки «Верблюда» — бронированные, похожие на каски колпаки, доты и дзоты — были соединены несколькими ярусами подземных галерей, выдолбленных в граните и облицованных железобетоном. Опорный пункт «Верблюд» не был исключением в японской обороне. Десятки, сотни высоток, прилегающих к восточной части советско-маньчжурской границы, были так же оборудованы и так же укреплены. В районе Ляохэшань, ныне очищенной от врага, располагался командный пункт дунинского укрепленного района. Он был скрыт в скале и насчитывал 100 бетонных, комфортабельно обставленных комнат, также соединенных между собой подземными галереями».

После прорыва приграничных укреплений тактика советского командования заключалась в стремительных действиях подвижными механизированными корпусами советских бронетанковых и мотострелковых соединений. На Забайкальском фронте в состав советских корпусов входила и монгольская кавалерия.

«Сражения носили исключительно ожесточенный характер. Особенно тяжелые бои происходили на основных коммуникациях неприятеля, — пишет И. Грибов. — Характерен в этом отношении бой за крупный населенный пункт, лежащий на главной дороге к столице Маньчжурии. Сам город и прилегающая к нему железнодорожная станция являлись своеобразными бастионами, прикрывающими дальние подступы к важнейшим хозяйственным и административным центрам страны... Особенно упорный бой завязался в районе одной высоты, превращенной противником в крупный опорный пункт. На вершине ее японцы построили бетонированный колпак в три этажа, куда входило в общей сложности пятнадцать дотов и дзотов. Численность гарнизонов отдельных дотов достигала 60 человек, а прочность сооружения была такова, что на их разрушение требовалось до тонны взрывчатки». Далее автор описывает бой, отражающий основные тактические приемы штурма красноармейцами большинства подобных укреплений. «Успех ликвидации этого опорного пункта решила тактическая внезапность. Батальон капитана Куренкова, действуя ночью, бесшумно подошел к высоте. Японцы не успели сделать ни одного выстрела до тех пор, пока наши бойцы буквально не сели на их сооружения. На утро высота была полностью очищена от противника. Бойцы Куренкова, не теряя времени, сели на танки и форсированным маршем двинулись к городу. После короткого огневого налета по наиболее крупным очагам сопротивления японцев танкисты вышли на главную улицу города, затем резко свернули влево и оседлали дорогу, идущую вглубь Маньчжурии. Таким образом, японцы лишились пути отхода и вынуждены были принять бой. На территории военного городка среди домов, расположенных на склонах сопок, в тесных проходах танки не имели маневра. Их выручили стрелки. Они указывали цели, которые необходимо было подавлять. Вражеский гарнизон был полностью истреблен. В районе военного городка осталось несколько сот трупов японских солдат и офицеров».

Однако Квантунская армия не только оборонялась. «День 16 августа на Дальнем Востоке, — сообщало Совинформбюро, — прошел под знаком контрнаступления японских войск против советских войск». О результатах этих действий можно судить по дальнейшему тексту сообщения: «Войска 1-го Дальневосточного фронта, преодолев атаки японцев, овладели городом Ванцин. В течение дня японцы вели безуспешные контратаки против наших войск, занимающих Сейсин. Войска 2-го Дальневосточного фронта во взаимодействии с Амурской речной флотилией отбили контратаки противника и овладели городом Цзямусы. Войска Забайкальского фронта на ряде участков отбивали сильные контратаки японцев и в ходе упорных боев овладели городом и крупным железнодорожным узлом Таоань. На остальных участках фронта — без изменений».

О высокой эффективности действий Красной Армии позднее говорили и пленные представители высшего командования Квантунской армии. Так командующий 5-й японской армией генерал-лейтенант Симидзу Норицуни заявил: «5-я армия прикрывала главное операционное направление на Харбин и к началу военных действий 8 августа имела в своем составе 65.000 человек. Мы не думали, что русская армия пройдет через труднопроходимые районы тайги. Такое молниеносное наступление русских для нас ста-

ло неожиданным. Строительство оборонительного рубежа на линии Линькоу — Мулинь далее на Муданцзян армией не было закончено. Потери армии составили более 40.000 человек. Отстоять Муданцзян не представлялось возможным. Оказывать дальнейшее сопротивление армия не стала»¹⁶.

Формально Япония капитулировала 14 августа 1945 г., однако оперативные сводки Совинформбюро за 15 и 16 августа говорят о непрекращающихся боях. Поэтому 17 августа появляется следующее разъяснение Генерального штаба Красной Армии о капитуляции Японии:

«1. Сделанное японским императором 14 августа заявление о капитуляции является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие, и когда этот приказ начнет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии».

И Красная Армия продолжила наступление по всем направлениям: в Маньчжурии, Корее, на Северном Сахалине, на Курильских островах. Наступление, отмеченное неизменным мужеством и героизмом своих воинов, о которых писала амурская пресса.

Героем был летчик-штурмовик Николай Яцко. При атаке вражеских транспортов в японском порту его самолет подвергся жесточайшему зенитному огню, а затем атаке нескольких японских истребителей. «Видя, что машину спасти нельзя, летчик твердой рукой направил ее на самое крупное здание порта — электростанцию. Товарищи видели как самолет Яцко, словно огненный факел, врезался в электростанцию»¹⁷. Героем был и пулеметчик Тахаутдин Багаутдинов, умело уничтожавший врага и прикрывавший товарищей. О нем пишет в своей заметке старшина Никитин¹⁸. О другом герое — командире отделения сержанте Урузбаеве, со своими бойцами уничтожившем вражеский дот, мешавший наступлению роты, пишет спецкор ТАСС Г. Камилов¹⁹. И это лишь три материала одного номера «Амурской правды». А ведь в каждом выпуске газеты было по несколько подобных публикаций.

Неудивительно, что в оперативной сводке за 17 августа сообщалось о сдаче в плен 20 тыс. японских солдат и офицеров. 18 сентября перед войсками 1-го Дальневосточного фронта начали складывать оружие и сдаваться части 3-й японской армии. А войскам Забайкальского фронта в районе Хайлара сдался окруженный гарнизон в составе 5 тыс. солдат и офицеров во главе с японским генерал-майором Намура. 19 августа войскам 1-го Дальневосточного сдались 55 тыс., 2-го Дальневосточного — 23 тыс. и Забайкальского — 20 тыс. японских солдат и офицеров. Далее пленение частей и соединений Квантунской армии продолжилось.

Война шла не только на фронтах. На всем протяжении полотна Китайско-чаньчуньской железной дороги «от станции Маньчжурия до станции Пограничная японцы сняли металлические подкладки, взорвали 11 мостов, в том числе такие многопролетные мосты, как Муданцзянский, Хайларский, Чжалайнорский. Кроме того, японские смертники подорвали два моста на железнодорожной линии Харбин—Сахалин»²⁰. Японцы разрушили телефонную связь, минировали пути, направляли группы смертников, которые препятствовали восстановлению дороги, нападали на ремонтные бригады, убивали обходчиков. Воины-железнодорожники почти ежедневно вступали с ними в бой. 38 бойцов-железнодорожников во главе со старшим лейтенантом Евменовым спасли от взрыва проложенный в 1903 г. русскими и китайскими строителями КВЖД Хинганский тоннель протяженностью 3077 м. К 13 сентября была перешита и восстановлена главная колея дороги длиной более 1500 км., перешито более 500 км станционных путей.

Переговоры о капитуляции Квантунской армии состоялись 19 августа. Встреча маршала Советского Союза Василевского с японскими начальником штаба генерал-лейтенантом Хата, генеральным консулом Японии в Харбине и группой старших офицеров началась в 15 час. 30 мин. по дальневосточному времени в лесном домике неподалеку от советско-маньчжурской границы. «В домик вошли генерал Хата, консул Миякава и начальник 1-го отдела штаба Квантунской армии полковник Сидзима. Сняв головные уборы, японцы низко поклонились представителям советского командования. С маршалом Василевским находились маршал Мерецков, главный маршал авиации Новиков, член Военного совета генерал-полковник Штыков и др. Переговоры велись несколько часов. Японцы заявили о своем согласии на безоговорочную капитуляцию. Были уточнены места разоружения и сдачи в плен советскому командованию каждой дивизии и армии в отдельности, порядок сдачи складов с оружием и стратегическим сырьем»²¹. После этой встречи началось не просто пленение отдельных частей и соединений, а капитуляция — сдача в плен и разоружение всей Квантунской армии.

2 сентября 1945 г. Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. При этом разгром Квантунской армии был воспринят в СССР не только как факт устранения источника постоянной напряженности на дальневосточных границах, но и как восстановление исторической справедливости. В «Обращении И.В. Сталина к народу» говорилось: «... поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что настанет день, когда Япония будет разбита, и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции»²².

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. гласил: «В ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября является днем всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией. 3 сентября считать нерабочим днем»²³.

В «Амурской правде» за 12 сентября 1945 г. сообщалось, что потери японцев и трофеи наших вооруженных сил на Дальнем Востоке за время с 9 августа по 9 сентября 1945 года оказались следующими:

«ЗАХВАЧЕНО: самолетов — 925, танков — 369, бронемашин — 35, полевых орудий, в том числе самоходных — 1226, минометов — 1340, пулеметов — 9936, винтовок — около 300 000, радиостанций — 133, автомашин — 2300, тракторов и тягачей — 125, лошадей — 17 497, складов с боеприпасами, вооружением, снаряжением и продовольствием — 742.

Нашим войскам СДАЛОСЬ В ПЛЕН более 594 тыс. японских солдат и офицеров и 148 генералов, в том числе до 20 тыс. раненых. Японцы потеряли только убитыми свыше 80 тыс. солдат и офицеров.

Таким образом, общие потери японцев в людях, не считая погибших команд потопленных японских кораблей, составляют: пленными и убитыми свыше 670 тыс. человек.

Кораблями и частями Тихоокеанского флота за тот же период времени ПОТОПЛЕНО СЛЕДУЮЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО КОРАБЛЕЙ И ПЛАВСРЕДСТВ ЯПОНЦЕВ: эсминцев — 2, транспортов — 28, танкеров — 3, катеров — 5, барж и шхун — 12.

За это же время потери наших войск на Дальнем Востоке составляют: убитыми — 8219 и ранеными — 22 264 человека».

Таким было содержание материалов газеты «Амурская правда» в период конца лета — осени 1945 г.

Целью данной статьи является не столько исторический анализ военных действий, сколько выявление характера отражения их конкретным периодическим изданием в дискурсе современной теории российской журналистики, которая, в частности, определяет, что «в советской прессе круг тем был весьма ограничен, и раскрывались они так, что создавалась лишь иллюзия передачи знаний, главным инструментом воздействия яв-

лялась не фактологическая, а концептуальная информация — политический миф или идеология: «Мы построили развитой социализм; наша страна — самая передовая и т.п.»²⁴. Хотя «Амурская правда» развивалась в общем русле проводимой тогда пропагандистской политики и в основном посвящала свои материалы идее строительства социализма, народнохозяйственным проблемам, борьбе с внутренними и внешними врагами, однако разгром милитаристской Японии в августе 1945 г. занимает в газете особое место.

Что касается характера информации, содержащейся в материалах того периода, то ее идеологичность отходит на задний план. На передний же выходит то, что она весьма разнообразна, вполне объективна и представляет достаточно широкий круг авторов, тем и жанров. Это возводит подавляющее большинство публикаций на тему разгрома Квантунской армии Японии в 1945 г. в разряд исторических документов, подлежащих неуклонному введению в научный оборот в качестве эмпирической базы для научных исследований.

1. Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. 3-е изд., испр. и доп. М.: Военное изд-во, 1985. С. 213.
2. Там же.
3. В.Н. Бугров, ИНВ. №Н. Сунгоркин. Краснознаменная Амурская Флотилия. Военное издательство. М. 1970. с. 145.
4. Краснознаменный Дальневосточный. История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. С. 217.
5. *Лисенков М.* В городе Жаохэ //Амурская правда. 1945. 7 окт. (ГАО. Инв. № 408).
6. *Терёхин А., Байдерин В.* В Сахалине //Амурская правда. 1945. 14 авг. (ГАО. Инв. № 408).
7. *Петров З.* По ту сторону Амура: Письмо из китайской деревни // Амурская правда. 1945. 2 сент. (ГАО. Инв. № 408).
8. *Макрушенко П.* Маньчжурские встречи // Амурская правда. 1945. 25 авг. (ГАО. Инв. № 408).
9. *Плюсков Ф.* Дорога в Мегрень // Амурская правда. 1945. 23 сент. (ГАО. Инв. № 408).
10. Потапова И.В. Русская система образования в Маньчжурии, 1898–1945 гг. Автореф. дис... канд. исторических наук. Хабаровск, 2000.
11. *Макрушенко П.* Указ. соч.
12. *Шапкин В., Топильский В.* На правобережье Амур // Амурская правда. 1945. 17 авг. (ГАО. Инв. № 408).
13. *Пухов К.* Подробности капитуляции Чанчуня // Амурская правда. 1945. 28 авг. (ГАО. Инв. № 408).
14. *Четвериков И.* В Расине //Амурская правда. 1945. 18 авг. (ГАО. Инв. № 408).
15. *Плюсков Ф.* Конец самурая // Амурская правда. 1945. 7 окт. (ГАО. Инв. № 408).
16. Амурская правда. 1945. 25 авг. (ГАО. Инв. № 408).
17. Подвиг героя // Амурская правда. 1945. 25 августа. (ГАО. Инв. № 408).
18. *Никитин.* Отвага пулеметчика //Амурская правда. 1945. 25 августа. (ГАО. Инв. № 408).
19. *Камилов Г.* Мужество наших бойцов // Амурская правда. 1945. 25 авг. (ГАО. Инв. № 408).
20. На Китайско-Чаньчуньской железной дороге: Беседа с уполномоченным советского командования по железнодорожным перевозкам в Маньчжурии генерал-директором движения третьего ранга тов. А.Ф. Журавлевым // Амурская правда. 1945. 16 сент. ГАО. Инв. № 408.
21. *Макрушенко П.* Так началась капитуляция // Амурская правда. 1945. 24 авг. (ГАО. Инв. № 408).
22. Амурская правда. 1945. 4 сент. (ГАО. Инв. № 408).
23. Там же.
24. *Скорородова Е.Ю.* Теория нормы и ее реализация в текстах современных средств массовой информации. М.: Прометей, 2006. С. 90.